

Information about the author

Natal'ya V. Vyzhletsova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (67, Bolshaya Mor-
skaia street, Saint-Petersburg, 190000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	22.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	05.08.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	01.10.2024

Научная статья / Original Article

УДК 719

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-123>

**Мифологическое моделирование современного
национального календаря в контексте
межкультурной коммуникации**

Жамила Рузмаматовна Двинятина¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: jamilas@mail.ru

Аннотация. *Изменения национального календаря всегда важны и отражают изменения в культуре, социуме и в политической повестке. В последнее время в России прослеживается яркая тенденция, привлекающая внимание многих ученых, граждан страны и иностранцев. Понимание новых явлений важно, помимо всего прочего, для успешного функционирования межкультурной коммуникации. Россия последние тридцать лет старается отойти от наследия советского праздничного канона, аккуратно заменяя имеющиеся праздники новыми, вновь придуманными, всегда ориентированными на мифологию или историю, меняя их семантику, отменяя старые и новые иностранного происхождения или языческие праздники, если их заимствование происходило спонтанно, без согласования с властями. В статье речь пойдет о праздниках 7 и 4 ноября, о праздновании ночи на Ивана Купалу и новом празднике — Дне любви, семьи и верности, о Дне святого Валентина, о Хэллоуине, святках, ночи Гая Фокса, мабоне, самайне и осенинах, масленице, о женском и мужском праздничных днях в современном русском и советском календаре, о попытках создать праздничный день детей.*

Ключевые слова: *новые праздники в современной России, День народного единства, День любви, семьи и верности, осенины, 8 марта, мабон, самайн, праздник урожая, Хэллоуин, святки, Масленица*

Для цитирования: Двинятина Ж. Р. Мифологическое моделирование современного национального календаря в контексте межкультурной коммуникации // Человек. Культура. Образование. 2024. № 4. С. 123–135. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-123>

Mythological modeling of the modern national calendar in the context of intercultural communication

Zhamila R. Dvinyatina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: jamilas@mail.ru

Abstract. *Changes in the national calendar are always important and reflect changes in culture, society and the political agenda. Recently, a striking trend has been observed in Russia, attracting the attention of many scientists, citizens of the country and foreigners. The understanding of new phenomena is important, among other things, for the successful functioning of intercultural communication. Over the last thirty years, Russia has been trying to move away from the legacy of the Soviet holiday canon, carefully replacing existing holidays with new, newly invented ones, always oriented towards mythology or history, changing their semantics, canceling old and new ones of foreign origin or pagan holidays, if their borrowing occurred spontaneously, without coordination with the authorities. The article will discuss the holidays of November 7 and 4, the celebration of the night of Ivan Kupala and the new holiday — the Day of Love, Family and Fidelity, Valentine's Day, Halloween, Christmastide, Guy Fawkes Night, Mabon, Samhain and Autumn, Maslenitsa, women's and men's holidays in the modern Russian and Soviet calendar, and attempts to create a children's holiday.*

Keywords: *new holidays in modern Russia, National Unity Day, Day of love, family and fidelity, autumn holidays, March 8, Mabon, Samhain, Harvest, Halloween, Christmastide, Maslenitsa, carnival*

For citation: Dvinyatina Zh. R. Mythological modeling of the modern national calendar in the context of intercultural communication. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2024; 4: 123–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-4-123>

Введение. Национальный календарь, очевидно, формируется постепенно и отражает как конкретные исторические события и приуроченные к ним даты празднования, так и национальный менталитет. Скажем, календарь США по сравнению с российским имеет ряд особенностей. В нем более распространены даты празднования, связанные с историческим лицом — День Колумба, День Мар-

тина Лютера Кинга, — и, в отличие от нашего календаря, которому требуются ежегодные переносы выходных в связи с их совпадением с праздничными непереходными датами, существует приверженность к фиксации даты по дню недели в месяце (День Благодарения — четвертый четверг ноября, День Колумба — второй понедельник октября). Разумеется, привлекают внимание и ученых, и граждан страны, и иностранцев изменения, которым подвергается любой национальный календарь. Таких изменений в современном российском календаре несколько.

Основная часть. В современной России планомерно проводится одна и та же тенденция. Новый русский консерватизм желает закрепить государственную идею, в том числе и с помощью календаря. Спонтанно принятые народом иностранные праздники по возможности изживаются, заменяются национальными аналогами, забытыми или вновь придумываемыми, советские праздники переосмысляются в новом ключе.

О некоторых случаях, наиболее ярких, достаточно много размышлений на страницах научных статей. Как правило, эти статьи повторяют одно и то же — ссылки на правовые акты, указы о принятии того или иного праздника. Особенно часто и однообразно речь идет о праздновании Дня народного единства 4 ноября [1–6]. Справедливо говорится, что празднование 7 ноября — Дня Октябрьской революции — как главного национального праздника советского периода постепенно себя изживает. В переходный период девяностых праздник был переименован, а затем поменялась и дата, выбранная, как пишут историки, неправильно по разным параметрам: и конкретная дата в сумятице Смутного времени вызывает вопросы, и сама выбранная дата в пересчете на современный календарь поставлена якобы неверно. Говорится в статьях и о том, что за почти век празднования государственного праздника революции сложилась традиция, которая сама по себе не должна быть отменена. Поэтому дата нового главного государственного праздника приурочена к приблизительной дате старого. Некоторые исследователи не забывают упомянуть и связь вновь выбранной даты 4 ноября с церковным праздником иконы Казанской Божией Матери, введенным, как пишут, при царе Алексее Михайловиче. В любом случае традиционная и актуализированная уваровская формула о самодержавии, православии и народности в выборе новой даты праздника проведена последовательно и наглядно.

Но наш тезис заключается в немаловажной части общей тенденции. Не просто выбирается народный, православный и скрепляющий нацию праздник. Он выбирается по модели того, который хотя бы вытеснить, ставится на то место, где стоял предыдущий. Это касается и иностранного влияния, с которым проводится планомерная борьба во внешних формах. Ведь в выборе даты 4 ноября сказываются все вышеперечисленные факторы, но добавляется и тот факт, что наш новый национальный праздник в какой-то мере сделан в пику американскому главному государственному празднику — Дню независимости 4 июля. Это может быть совпадением, разумеется, если бы не другие примеры такого рода.

На выбор главного праздника страны влияет новая устойчивая государственная доктрина. Но и здесь из имеющегося набора советских праздников можно было выбрать несколько. Например, как национальный праздник игнорируется День космонавтики в апреле, проводится широко как важнейший День Победы в мае, но и он не становится главным государственным. Возможно, ко всем вышеперечисленным факторам добавляется и психофизиологический. Осенний ноябрьский холод и мрак требует ритуального выхода из предлагаемых обстоятельств, требует праздника тепла, огня и света. В схожей ситуации находятся, например, жители Великобритании¹, празднующие традиционный, но не государственный праздник 5 ноября — Ночь Гая Фокса — с фейерверками и сжиганием чучел, давно переведшие этот ритуал из разряда назидательных воспоминаний исторического прецедента в разряд детских или семейных общественных развлечений [7, с. 214]. Та же мотивация ритуальных действий у американцев в ночном карнавале для детей в период Хэллоуина, что роднит последний праздник с русскими Святками, вытесняемыми им в бытовом народном календаре современных русских [8, с. 99–107]. Ночь Гая Фокса в России не празднуется. Но тенденция найти народный, а не государственный праздник в этот период, по-видимому, существует.

Осенние праздники у русских с их аграрной культурой растягивались традиционно от конца августа — дожинок, конца сбора урожая, до Покрова — середины октября, начала зимы. Точное количество праздников и их продолжительность в календарный период разнятся. Современная русская молодежь нерелигиозного толка не стремится праздновать ни Покров, ни, скажем, Рождество Богородицы 21 сентября — день осеннего равноденствия. Вместо это-

---

¹<https://www.britannica.com/topic/Guy-Fawkes-Day> (дата обращения: 26.12.2023).

го, как мы видим, существуют все те же две тенденции: стихийное народное заимствование праздника из западно-европейской и восточной культур (1) и насаждение государством альтернативного праздника на место вновь заимствованного, всегда связываемого с отечественной культурой, религией, мифологией, даже если эта связь неточна и придумана недавно (2).

Так, на место стихийно празднующихся и неразличимых в таком контексте иностранных мабона, самайна или, например, все того же Хэллоуина [9, с. 603–612] предлагается, и очень активно, с помощью средств массовой информации и культурных мероприятий празднование осени¹, само название которых в качестве нового народного праздника, кажется, еще не совсем на слуху, хоть само слово в этом значении зафиксировано еще в словаре Даля [10]. В ход идут не только проповеди и обличительные статьи, направленные на якобы порочный характер заимствования, но и главный механизм, который нас интересует, — внедрение на место нового спонтанного заимствованного праздника русского аналога, либо придуманного заново, либо забытого и вновь переосмысленного.

Не ограничиваясь отдельным описанным случаем, надо говорить о более широкой тенденции к смысловой замене празднования. Сейчас в России 1 мая официально Праздник весны и труда. В нем и в советское время, и в наше сочетаются элементы дня солидарности и протеста рабочих и древний обычай празднования прихода весны. В названии праздника оба аспекта корректно обозначены. Он пользуется популярностью и открывает неофициальные майские каникулы, включающие и 9 мая — День Победы и выходные. Это время огородов. Удачное сочетание содержания праздника и даты его проведения обеспечивают ему закрепленность и в официальном, и в народном календаре современной России [11, с. 4–5]. Бывший праздник рабочих маевок никто не оспаривает, не заменяет другим, не удаляя название.

Однако есть и более драматические случаи. Двадцать лет назад романтически настроенная молодежь подхватила празднование Дня святого Валентина 14 февраля, праздник, который сегодня усилиями властей официально вытесняется Днем семьи, любви и верности, который ставится на другую дату и потому не может до конца стереть память о предыдущем празднике, не слившись с ним по времени и по элементам ритуала. Дата нового празднования с аналогичной функцией также выбрана не случайно. На смену праздни-

¹ <https://www.kp.ru/family/prazdniki/oseniny/> (дата обращения: 26.12.2023).

ку свободного выбора партнера, католическому по происхождению, приходит новорусский праздник брака и традиционных ценностей [12]. Действительно, в начале двухтысячных улучшение экономического фактора позволяло и жителям России влиться в осмысляемый двойко в мировой практике праздник любви и ненужных денежных трат. Теперь маленькие частные подарки и в целом обращение к частной жизни в общественном, пусть и неофициальном празднике, отражали всегдашние чаяния молодежи любить и быть любимыми, создавать семью, заводить детей. Акцент на католическом происхождении праздника и личности вольнодумного Валентина, поощряющего незаконное вступление в брак, не делался. Русский календарь был снабжен праздниками 8 Марта и 23 февраля, со временем превратившимися в народном сознании, как мы и отмечали в случае с майскими праздниками, из официально и давно введенных праздников женской солидарности и Дня защитника Отечества соответственно в женский и мужской дни [13].

Очевидно, что в отечественном календаре было в этой связи две точки схода. Лакуна на месте единого праздника влюбленных и, напротив, отсутствие лакуны в женском и мужском праздновании. Это привело к двум последствиям. Во втором случае кажется излишним, но сделанным, как мы и отмечаем, снова по той же схеме. В современный календарь пытаются внедрить День отца и День матери по аналогии с американскими праздниками, но и преследуя ясно вырисовываемые цели нового консервативного поворота в российской государственности [14]. Но, вероятно, эти дни не приживутся, потому что дублируют уже имеющиеся и сложившиеся давно и прочно, сочетающие в себе официальный и народный дискурс 8 Марта и 23 февраля, достаточно давно уже делающих акцент на гендерной принадлежности празднующих, а не на первоначальной социальной семантике праздника.

Итак, первая тенденция становления современного русского календаря — попытка заполнения лагун спонтанным заимствованием иностранных праздников. Были дни мужские и женские, но не было дня влюбленных. Он появляется и принимается народом. Но вторая тенденция формирования современного отечественного календаря — попытка вытеснить спонтанно принимаемый иностранный праздник и предложить, как правило достаточно интенсивно, альтернативу, связываемую с отечественной историей, мифологией или менталитетом, на государственном уровне. Этой альтернативой может стать вновь придуманный праздник, или реанимиро-

ванный из набора забытых, или переосмысляемый уже имеющийся. Вторая тенденция хорошо видна на примере внедрения в новый русский календарь празднования дня семьи, любви и верности.

С 2009 года в рамках общенациональной программы «В кругу семьи» начинается целенаправленная и массивная установка памятников святым Петру и Февронии. Нет нужды оспаривать идею их святости, сравнивая житийный рассказ со структурой волшебной сказки о драконоборце и деве в беде [15, с. 142–144]. Они канонизированы давно, в 1547 году, как месточтимые муромские святые. День их памяти — 25 июня по старому и 8 июля по новому стилю. На сегодняшний день известно 89 памятников, сделанных за последние пятнадцать лет и будто бы подменяющих собой многочисленных монументальных Лениных, количество и качество исполнения которых делало эти городские доминанты почти незаметными. Очевидно, что памятники этим святым входят в один ряд с относительно недавней канонизацией Андрея Рублева, новыми установлениями или попытками установления памятников Ивану Грозному (Орел, 2016), князю Владимиру (Москва, 2016), с тенденцией к ревизионистскому подходу времен деятельности министра культуры Мединского и советника президента Суркова.

Сама по себе идея ставших равными в правах крестьянки и князя, мужчины и женщины, проживших долго, совместно и наперекор воле окружающих, в современном мире примечательна. Она не просто фиксирует взгляд воспринимающего на национальных корнях нововведенного праздника, не только говорит об оспариваемом в консервативном мире равенстве двух полов, но и создает наглядный образ официального, долгого и крепкого союза мужчины и женщины, делая акцент на традиционных пронаталистских ценностях [16]. Однако сама выбранная дата праздника не представляется удачной. Опросы показывают, что в 2023 году население России мало знает о празднике и не стремится праздновать его, несмотря на гигантские усилия по его внедрению. Все дело, кажется, в том, что летом в евразийском природном ландшафте и так хорошо. Каждый день воспринимается праздником, в особенности сейчас, когда Россия перестает в подавляющем большинстве быть аграрной страной, где каждый летний день был в прямом смысле не праздником, праздным днем, а напротив, страдой — вершиной концентрированной физической работы в течение всего года, когда и один летний день год кормит.

С другой стороны, если верить, что внедрение праздника осуществлялось знающими людьми, видна и другая общая тенденция, вынудившая поставить праздник именно на эти даты. Иван Купала, и особенно его канун, ночь — древний языческий праздник, хорошо известный всем жителям Европы, включая славян, соединяет в себе черты христианской и дохристианской культур, празднуется 24 июня (7 июля по новому стилю). К нему издавна примыкает Петров день (29 июня по старому стилю), сливающийся в единый летний цикл, находящийся в календарной контрпозиции по отношению к зимнему циклу Рождества. А новый праздник Петра и Февронии отмечается 8 июля. Таким образом, новый официальный праздник, сочетающий идеи семьи и исторический, полубоготворный, мифологический, фольклорный и религиозный контексты, нарочито наслаивается на вытесняемый праздник Ивана Купалы, прочитываемый как нежелательный. Не надо прыгать через костер, кидать венки в воду, искать папоротник. Новые святые должны появиться на его месте. И они появляются.

Но даже если убрать из размышлений политический контекст, попытки выстраивания новой государственной мифологии, где Запад — враг, а новая русская древность — отличный заменитель начинающих зиять пустотами вытесняемых праздников, то размытость современного русского календаря видна и на других примерах. Скажем, на нестабильном желании выделить дату праздника детей.

Как уже говорилось, в западной культуре детский праздник, помимо Рождества, укоренен, например, в карнавальной переодевании на Хэллоуин. Русские Святки с ритуальными бесчинствами, масочным карнавалом и традиционным набором народных верований и обычаев, включающих, например, гадания, от Рождества до Крещения почти совсем уничтожены и, кстати, никогда детским праздником не являлись. С другой стороны, масленичный комплекс проводов зимы и долгой встречи весны, совпадающих с церковным постом, как и ритуальные купания на Крещение, в современной России приветствуются. Не являясь конкретно детским праздником, Масленица, отмечаемая традиционно в феврале-марте, тем не менее имеет его яркие черты, такие как принародное сжигание чучела, катания с гор, поедание блинов. В данном ритуале, очевидно, мало прослеживается происхождение и первоначальная семантика обряда. Это, скорее, потешное и красочное действие для детей и родителей, что-то наподобие быстро ушедшего, неэкологичного, но одно время пользовавшегося большой популярностью мас-

сового и неприуроченного к определенной дате запуска в воздух или на воду горящих китайских фонариков. Кстати, новая мода на китайскую традицию, быстро обрастающая экономической составляющей — продажей одноразовых фонариков, в России воплощалась, как всегда, своеобразно. По китайской традиции праздник фонарей отмечается на 15-й день первого месяца по лунному календарю и знаменует окончание празднования китайского Нового года. Это событие совпадает с календарными датами празднования Масленицы. Возникает ненужная конкуренция. И, возможно, поэтому праздник водных китайских фонариков, по крайней мере в Петербурге, несколько лет проводился и в осенний период, и в дни Рождества — праздник заимствовался стихийно, и было не важно, когда конкретно зажигать яркие и теплые огоньки — в осеннюю, зимнюю или ранневесеннюю стужу.

Современная русская Масленица — не просто разрешенный, но и оформляемый как городской, муниципальный праздник единства квартала, горизонтальных связей добрососедства и культурного запланированного досуга горожан. Праздник проводов Масленицы и сжигания чучела никак не связан в сознании современного человека ни с темой плодородия, ни с темой поминания предков, ни тем более с параллелизмом этого действия — с похоронами Костромы летом — традиционным русским праздником, имеющим сходные ритуальные черты.

Обращает на себя внимание и тот факт, что начиная с восьмидесятых годов XX века сначала в качестве забавной экзотики, а затем и на правах параллельного календаря элементы китайского годового цикла, наименование годов по знакам животных, повсеместное распространение годовой символики прочно вошли в обиход русских за последние сорок — тридцать лет. Очевидно, разница религий и культур и новая международная доктрина, в которой Россия и Китай рассматриваются исключительно в добрососедском и партнерском ключе, способствуют, как и во всем мире, медленно, но неукоснительному влиянию китайской культуры на повседневность. Между тем, например, праздники народов Передней и Средней Азии, мусульманского мира, граждан страны и мигрантов не внедряются как часть общей культуры многонационального государства, остаются праздниками диаспор, не претендуя, во всяком случае пока, на статус общенациональных.

Рождество и Новый год, с советских времен оттянувший на себя обрядовость рождественского цикла, воспринимаются как

праздники для детей в первую очередь. Но вместе с тем в современном русском календаре есть многочисленные попытки создания и внедрения праздников, связанных с детьми, но детскими не считающихся. Это и День защиты детей 1 июня, и День знаний 1 сентября, и введенный не так давно День учителя, который всегда совпадал в народном сознании с первым школьным днем после летних каникул. Тавтология и невнятица в наборе детских праздников говорит о неустойчивости комплекса детских праздников и о том, что ни один из них не сделан государственным с присвоением статуса выходного дня. Напротив, Татьянин день, день русского студенчества, празднуется в определенной среде широко и интенсивно и не подвергается со стороны государства ни мультипликации, повторению схожих праздников, ни переносу даты его проведения, возможно, потому, что он достаточно локален, популярен в отдельном сословии, не является всеобщим, отлично вписан в календарный цикл и новую проблематику русских национальных исторически обусловленных праздников.

Заключение. Многочисленные изменения в новом календаре России связаны, разумеется, не только с идеей разумного и равномерного распределения по годовому циклу выходных праздничных дней. С появлением новых праздников, вытеснением старых, продуманностью новых дат и поводов к празднованию возникает и естественный пересмотр ритуальности проводимых мероприятий. Государственный и религиозный характер новой обрядовости борется с элементами стихийного народного празднования, с обрядовостью, заимствованной в готовом виде или возникающей спонтанно. В свою очередь, новые элементы празднования, новая ритуальная культура праздников напрямую связаны с их идеологией, с комплексом новых представлений об истории. При этом в самом историческом материале почти всегда стремятся найти полуполюгендарный прецедент, неточную или спорную дату, однако наглядно демонстрирующую новую доктрину пересмотра календаря. Вновь создаваемая государственная мифология с ярко выраженным консервативным поворотом проявляется как в подборе новых праздников, так и в самом ритуале их празднования.

Итак, современный отечественный календарь претерпевает важнейшие изменения. Внедряемые новые русские праздники подаются связанными с русской историей в ее мифологизированном изводе, ставятся на место уже имеющихся старых праздников и пытаются вытеснить уже существующие праздники иностранного проис-

хождения, парадоксальным образом нередко действуя по модели, заданной как раз такими новыми иностранными праздниками.

Список источников

1. Кирьянов И. К., Скоселев А. А. День 7 ноября — что за день календаря?: столетие практик памяти и забвения Октябрьской революции 1917 г. // Вестник ПФИЦ. 2019. № 4. С. 80–90.
2. Мошкин С. В. Политика забвения, или Что происходит с «красным днем календаря»? // Дискурс Пи. 2020. 2 (39). С. 112–127.
3. Малышева С. Ю. Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. 2019. № 44 (1). С. 138–147.
4. Макашова А. С. Традиции ноябрьских праздников в истории России: символическое содержание праздников // Вестник СПбГУ. 2012. № 3. С. 128–131.
5. Шаповалов С. Н. Формирование государственных праздников современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2013. № 3. С. 20–26.
6. Березкин А. В., Крицкая С. Ю. Заметки об исторических корнях современных государственных праздников // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 5–10.
7. Тяглова М. А. Игровые формы протеста и игра в сакральное // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 210–218.
8. Тихонова А. А. Святки и Хэллоуин: архетипическое единство и различие праздничных народных традиций // Вестник МГУКИ. 2016. № 3 (71). С. 99–107.
9. Кипреев С. Н. Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. 28 (3). С. 603–612.
10. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1881. С. 718.
11. Калачева О. Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2003. № 1. С. 1–8.
12. Савельева Т. В. Медиаобраз новых российских государственных праздников: причины резистентности // Нефилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 677–687.
13. Воронина О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений // Женщина в российском обществе. 2017. 3 (84). С. 3–16.
14. Ефремова В. Н. Общероссийские праздники как символические маркеры политических изменений: их роль и значение в пропаганде тра-

диционных ценностей в современной России // Политическая наука. 2023. № 2. С. 114–139.

15. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2003. 590 с.

16. Духанова Д. Петр и Феврония и День семьи, любви и верности: про-национализм и нестабильный гендерный порядок в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 194–220.

References

1. Kir'yanov I. K., Skoselev A. A. "The day of November 7th — what kind of calendar day?": a century, practices of memory and oblivion of the October Revolution of 1917. *Vestnik PFIC* [Bulletin of the PFIC], 2019, no 4, pp. 80–90. (In Russ.)

2. Moshkin S. V. The politics of oblivion, or what happens to the "red calendar day"? *Diskurs Pi* [Discourse Pi], 2020, no 2 (39), pp. 112–127. (In Russ.)

3. Malysheva S. Yu. The evolution of historical mythologies of the "November" holidays in Russia. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2019, no 44 (1), pp. 138–147. (In Russ.)

4. Makashova A. S. Traditions of November holidays in the history of Russia: the symbolic content of the holidays. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2012, no 3, pp. 128–131. (In Russ.)

5. Shapovalov S. N. Formation of public holidays in modern Russia. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2013, no 3, pp. 20–26. (In Russ.)

6. Berezkin A. V., Kritskaya S. Yu. Notes on the historical roots of modern public holidays. *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Siberia and the Far East], 2010, no 2, pp. 5–10. (In Russ.)

7. Tyaglova M. A. Game forms of protest and playing with the sacred. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya* [Scientific notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology]. 2014, vol. 27 (66), no 1, pp. 210–218. (In Russ.)

8. Tikhonova A. A. Christmastide and Halloween: the archetypal unity and difference of festive folk traditions. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI], 2016, no 3(71), pp. 99–107. (In Russ.)

9. Kipreev S. N. Police against Halloween counter threats to national security and protect traditional culture. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2023, 28 (3), pp. 603–612. (In Russ.)

10. Dal V. I. *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the living Great Russian language]. Moskow, 1881, p. 718. (In Russ.)

11. Kalacheva O. Celebration as an indicator of social change: old and new holidays in post-Soviet Russia. "Teleskop": *nablyudeniya za povsednevnoj zhizn'yu*

peterburzhcev ["Telescope": observations of the everyday life of St. Petersburg residents], 2003, no 1, pp. 1–8. (In Russ.)

12. Savelyeva T. V. Media image of new Russian public holidays: reasons for resistance. *Neofilologiya* [Neophilology], 2023, vol. 9, no 3, pp. 677–687. (In Russ.)

13. Voronina O. A. "Gender" holidays: transformation of symbolic meanings. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2017, no 3 (84), pp. 3–16. (In Russ.)

14. Efremova V. N. All-Russian holidays as symbolic markers of political changes: their role and significance in the promotion of traditional values in modern Russia. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2023, no 2, pp. 114–139. (In Russ.)

15. Gudziy N. K. *Istoriya drevnej russkoj literatury* [History of ancient Russian literature]. Moscow: Aspekt Press, 2003. 590 p. (In Russ.)

16. Dukhanova D. Peter and Fevronia and the Day of Family, Love and Fidelity: pronatalism and unstable gender order in modern Russia. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i zarubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2018, no 2, pp. 194–220. (In Russ.)

Сведения об авторе

Двинятина Жамила Рузмаатовна, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9)

Information about the author

Zhamila R. Dvinyatina, Ph.D. in Philology, St. Petersburg, Saint-Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	22.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	05.08.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	01.10.2024